

ЖУРНАЛЬНЫЕ ЗАМЕТКИ.

(Рус. Мысль и книжки Недель—92 г.)

Большинство порядки или, впрочем, безпорядки редко описываются нашими писателями. По крайней мере, до сих пор почти ничего не встречали мы в печати, что затрогивало бы эту из высшей степени живую тему. Особенно намъ мало известно о различного рода „напущенияхъ“, употребленныхъ въ нашихъ больницахъ въ обращеніи съ медицинскими больными, о самомъ устройствѣ помѣщеній для того рода больныхъ, о томъ, какъ содержать этихъ несчастныхъ, каковы уходъ за ними, каковы, наконецъ, тѣ, на обязанности которыхъ лежатъ врачеваніе душевныхъ больныхъ. Миръ этотъ—для большинства до сихъ поръ еще изъ что-то *terra incognita*... Если и проскальзывало что въ печати о нашихъ больницахъ, то протѣкавшихъ-нибудь отрывковъ, штриховъ, набросковъ, сценокъ и проч. Все это мало, однако, знакомило публику съ общими характеристиками лечебныхъ заведений. Въ настоящее время, положимъ, начали вознѣмать прекрасныя учрежденія для врачеванія души и тѣлесъ больныхъ, но большинство, огромное большинство больницъ находится въ плохомъ состояніи, дѣло врачевой помощи въ Россіи худо организовано.

Мы сказали, что въ печати почти ничего до сихъ поръ не появилось *самостоятельно* по части характеристики больничныхъ порядковъ; только въ послѣднее время удалось кому-то раскрыть передъ обществомъ нѣкоторыя изъ больничныхъ

жизней: въ полбурской книжкѣ „Русск. Мысль“ появился очеркъ Ант. П. Чехова, озаглавленный „Палата № 6“. Авторъ главными образами рассказываетъ о порядкахъ, существующихъ въ тѣхъ больницахъ, которыя можно встрѣтить въ любой уѣздъ или въ отдаленномъ губернскомъ городѣ и притомъ преимущественно останавливается на описаніи приѣздовъ леченія сумасшедшихъ. Весь ужасъ очерка г. Чехова невозможно читать. Описываетъ онъ все съ свойственнымъ ему напоромъ и даетъ рядъ мрачныхъ картинъ, отъ созерцанія которыхъ, говоря безъ преувеличенія, волосы становятся дыбомъ.

Описываетъ, наприм., Чеховъ внѣшній видъ одного изъ больничныхъ флигелей и вы, читая одно только это описаніе, тотчасъ же чувствуете всю безотрадность положенія живущихъ внутри этого флигеля: окруженъ онъ цѣлымъ лѣсомъ репейника, крапивы и дикой конопля. Крыша на немъ ржавая, труба напоминая обвалилась, ступеньки у крыльца сгнили и поросли травой, а отъ штукатурки остались одни только слѣды. Передний фасадъ обращенъ онъ къ больницѣ, задний глядитъ въ поле, отъ котораго отдѣляется его сѣрый больничный заборъ съ гвоздями. Эти гвозди, обращенные остриями къверху, и заборъ, и санный флигель имѣютъ тотъ особый, унылый, *окаляемый* видъ, какой у насъ бываетъ только у больничныхъ и тюремныхъ построекъ.

Внутри флигеля еще окаляете, если можно такъ выразиться!

„Отворите первую дверь, вы входите въ сѣни. Здѣсь у сѣней и около печки наваломъ валяются горы больничнаго хлама.

Матрацы, старые изодранные халаты, панталоны, рубахи съ синими полосками, нигде негодная, истасканная обувь,—вся эта рвань свалена въ кучи, перената, спуталась, гниетъ и издаетъ удручающій запахъ. На хланѣ всегда съ трубкой въ зубахъ лежитъ сторожъ Никита, старый отставной солдатъ съ порицательными нашивками. У него суровое, испитое лицо, нависшія брови, придающія лицу выраженіе степной очарки, и красный носъ; онъ невысокаго роста, на видъ сухоощавъ и жилистъ, но осанка у него внушительная и кулаки здоровенные. Принадлежитъ онъ къ числу тѣхъ простодушныхъ, положительныхъ, исполнительныхъ и тупыхъ людей, которые больше всего на свѣтѣ любятъ порядокъ и потому убѣждены, что такъ надо быть. Онъ бьетъ по лицу, по груди, по спинѣ, по чепу понало, и утѣреть, что безъ этого не было бы здѣсь порядка“.

Изъ этихъ сѣней съ хланомъ и съ Никитой идетъ другая большая, просторная конната, занимающая весь почти флигель. „Стѣны здѣсь вымазаны грязно-голубой краской, потолокъ законченъ какъ въ курной избѣ,—ясно, что здѣсь зимой дымить печи и бываетъ угарно. Окна изнутри изображены желѣзными рѣшетками. Полъ сѣръ и заносистъ. Воняетъ кислою капустой, фитильной гарью, клопами, и эта вонь въ первую минуту производитъ на васъ такое впечатлѣніе, какъ будто вы входите въ звѣринецъ.“

Въ коннатѣ стоитъ кровати, привинченныя къ полу. На нихъ сидятъ и лежатъ люди въ синихъ больничныхъ халатахъ и по-старинному въ колпакахъ. Это—сумасшедшіе. Всѣхъ ихъ нѣтъ человѣкъ.

халъ онъ въ городъ безъ гроша денегъ, съ небольшимъ чеподанчикомъ и съ молодю, некрасивою женщиной, которую онъ называетъ своею кухаркой. У этой женщины грудной младенецъ. Ходитъ Хоботовъ въ фуражкѣ съ козырькомъ къ въ высокихъ сапогахъ; виной надѣваетъ полушубокъ. Соселся съ фальдшеромъ (больной воръ и прохвостъ). Во всей квартирѣ у этого доктора есть только одна книга—*Новѣйшіе рецепты египетской медицины* за 1881 г. Идя къ больному, онъ всегда беретъ съ собою и эту книжку. Считающъ своего коллегу Рачина старшимъ плутомъ, подозрѣваетъ у него большія средства и тайнѣ завидуетъ ему. Онъ охотно-бы завалъ его мѣсто".

Случай вскорѣ представляется. Андрей Ефимичъ Рачинъ чрезвычайно любитъ умъ и честность; въ палатѣ № 6, въ которую онъ случайно заглянулъ, его заинтересовалъ Гроновъ. Рачинъ начинаетъ посѣщать его, вести съ нимъ разговоры, вступаетъ съ нимъ въ споры. Всѣмъ Гроновъ и Рачина—интереснѣйшія мѣста въ рассказѣ Чехова. Всѣхъ начала удивлять необычайность дѣйствій со стороны Рачина: не посѣщалъ больницу, а тутъ зачастилъ. Однажды бесѣду его съ Гроновымъ подслушала Хоботовъ и перенигнула съ Никитой. Стали съ тѣхъ поръ слѣдить за Рачинимъ, считая его пошланнымъ. Вскорѣ по старанію Хоботова была собрана комиссия для освидѣтельствованія умственныхъ способностей Андрея Ефимича. Черезъ недѣлю по освидѣтельствованіи Рачину предложили *отдохнуть*, т. е. подать въ отставку, изъ чену Рачинъ отнесся равнодушно, и еще черезъ недѣлю онъ съ при-

ятелемъ почтмейстеромъ отправился въ путешествие. Всѣ Рачину говорятъ, что онъ нездоровъ, по возвращеніи его изъ поѣздки Хоботовъ продолжаетъ его лечить бронхитнымъ каліемъ. А между тѣмъ самъ Рачинъ убѣжденъ, что онъ не боленъ: „Волѣвъ былъ только въ томъ, что за двадцать лѣтъ я нашелъ во всемъ городѣ одного только умнаго человѣка, да и тотъ сумасшедшій“. Обманчивъ образъ Хоботовъ замечаетъ, наконецъ, Рачина въ больницу и тутъ происходитъ дикая сцена. Насильно раздѣвая Рачина, облачаютъ его въ больничное одѣяніе, бьютъ, когда онъ проситъ, чтобы его отпустили, бьютъ тотъ-же Никита, бывшій его подчиненный... Послѣ дикой сцены Андрей Ефимичъ притаилъ дыханіе. Онъ съ ужасомъ ждалъ, что его ударятъ еще разъ... Вдругъ въ головѣ его среди хаоса ясно мелькнула страшная, неминуемая мысль, что *такую-же точно боль* (словно кто завалъ серъ, воткнулъ въ него и нѣсколько разъ повернулъ въ груди и кишкахъ) *должны были испытывать годами изо дня въ день эти люди*, казавшіеся теперь при лунномъ свѣтѣ черными тѣнями. *Какъ могло случиться, что продолженіе больше, чѣмъ двадцати лѣтъ, онъ не зналъ и не хотѣлъ знать этого?* Онъ не зналъ, не имѣлъ *понятія о боли*, значить онъ не виноватъ, но совѣсть, такая-же неговорчивая и грубая, какъ Никита, заставила его похолодѣть отъ затылка до пятъ...

Утромъ у Рачина болѣла голова, а подъ вечеръ онъ уверъ отъ апоплексического удара...

На грустныхъ, печальныхъ мысляхъ наво-

дѣтъ чеховскій рассказъ. Возьмемъ Андрея Ефимича—честнѣйшій, дѣловитѣйшій, а почувствовалъ всю больничной обстановки только тогда, когда попалъ въ положеніе націента, т. е. когда передъ его глазами появились перзосты и—ничего, потому что имѣлъ *понятія о боли*! Онъ еще такихъ Андрей-Ефимичей въ Руси, не имѣющихъ понятія о боли, потому и на зло взирающихъ съ снисхожденіемъ философовъ.

Не всѣ-же, во всякомъ случаѣ, переболѣли на русской землѣ, естѣственно живые экзemplары, сердца и близки горю и скорбь народная. Тѣхъ печальниковъ народныхъ назъ г. Потапенко, въ своемъ нѣтъ очеркѣ, поѣщенномъ въ полбрыскъ. „Недѣли“, подъ названіемъ „Итальянскій органъ“.

Докторъ Криницкій, по холернымъ лѣтамъ, прѣзжаетъ ночью и принимаетъ, гдѣ постоянно принимали ра радушно. Прѣхалъ Криницкій лмъ, голодный, потому пришлось изъ нѣсколькихъ холерныхъ деръ. Поѣщичья семья встрѣчаетъ его рсажаетъ за закуску, закидываетъ епросани, гдѣ былъ, что видѣлъ. Днилъ неосторожность рассказать, чправо отъ холерныхъ. Поѣщичья дѣтъ въ ужасъ и убѣгаютъ отъ доставляя его одного, давъ тѣмъ самъ явить, что Криницкій—гость очень оПилнулъ Криницкій на это и, отппрахъ съ ногъ своихъ, покладаетъ помдомъ и вдетъ въ священнику. Тамъ видываются на Криницкаго соавла,

8/4

нхъ больницы. ... до сихъ поръ еще нѣчто вродѣ *тотта incognita*... Если и проскальзывало что въ печати о нашихъ больницахъ, то вродѣ какихъ-нибудь отрывковъ, штриховъ, набросковъ, слюнокъ и проч. Все это мало, однако, знакомило публику съ общими характеромъ лечебныхъ заведеній. Въ настоящее время, положимъ, начали возникать прекрасныя учрежденія для врачеванія душъ и тѣлесъ больныхъ, но большинство больницъ находится въ плохѣмъ состояніи, дѣло врачеванія помощи въ Россіи худо организовано.

Мы сказали, что въ печати почти ничего до сихъ поръ не появилось *салонное* по части характеристики больничныхъ порядковъ; только въ послѣднее время стала понемногу раскрываться передъ обществомъ нѣкоторая изъ больничныхъ

красивая и дикой коноплей. Крыша на поларжавая, труба наполовину обвалилась, сгущеньки у крыльца сгнили и поросли травой, а отъ штукатурки остались одни только слѣды. Передний фасадъ обращенъ онъ къ больницѣ, задний глядитъ въ поле, отъ котораго отдѣляется его сѣрый больничный заборъ съ гвоздями. Эти гвозди, обращенные остриями къверху, и заборъ, и самый флигель имѣютъ тотъ особый, унылый, *окаженный* видъ, какой у насъ бываетъ только у больничныхъ и тюремныхъ построекъ.

Внутри флигеля еще окаженье, если можно такъ выразиться!

„Отворивъ первую дверь, вы входите въ сѣни. Здѣсь у стѣнъ и около печи навѣшены пѣльня горнъ больничнаго хлѣба.

китюку идетъ другая больная, „конната, завивающая весь почти краской, потолокъ законченъ какъ ной извѣ,—ясно, что здѣсь зной печи и бываетъ угарно. Окна обезображены желѣзными рѣшетками сѣры и заносисты. Воняетъ кислородомъ, фитильной гарью, клопаномъ въ первую минуту произво-васъ такое впечатлѣніе, какъ входите въ заѣривецъ.

Въ коннатѣ стоятъ кровати, на нихъ сидятъ люди въ свѣжихъ больничныхъ по-старинному въ колпакахъ. Эсмехидіе. Всѣхъ ихъ пять чело-